

Бытовой патриотизм и внешняя политика Путина

ПОНАРС Евразия

Аналитическая записка № 432

Июль 2016 г

Дж. Пол Гуд¹

Университет Бата

Дискуссии об общественной поддержке внешней политики Кремля часто отталкиваются от таких нередко используемых в рамках исследований международных отношений понятий, как эффект «сплочения вокруг флага», либо исходят из того, что обилие патриотического вещания в отечественных СМИ стимулирует поддержку официального внешнеполитического курса. Однако, патриотизм - коварное понятие, и далеко не очевидно, что патриотические настроения напрямую преобразовываются в поддержку внешней политики правительства. Несмотря на постоянно возрастающие за последние пятнадцать лет усилия Кремля по интенсификации патриотического воспитания, представления российских граждан о патриотизме разнообразны, порой противоречивы и часто аполитичны. Рассмотрение понимания «бытового патриотизма» россиянами предоставляет возможность выявить источники и границы поддержки внешней политики Кремля.

Исследование по настоящему проекту включало в себя 65 глубинных полустандартизированных интервью, проведенных с российскими гражданами в Тюмени (2014 год) и Перми (2015 год), за которыми последовали фокус-группы с госслужащими, пенсионерами и студентами в Перми. Респондентам задавали вопросы об их повседневной жизни, о том, что означает быть патриотом России, об их понимании родины, о различии между патриотизмом и национализмом, об их соображениях по поводу ностальгии по советской эпохе и 1990-м гг., а также о долге патриота.

Официальный и бытовой патриотизм

Начиная с 2001 года, российское правительство стало уделять особое внимание патриотическому воспитанию с целью подготовить граждан к «выполнению гражданского долга в мирное и военное время». Программа делала особый упор на военное-патриотическое воспитание, включая празднование военных достижений и побед, а также прославление актов героизма. Кроме того, программа предусматривала меры пропаганды патриотизма в СМИ и предлагала десятки мероприятий, включая мобилизацию поддержки общественных организаций, деятелей науки и правоведов. В условиях усиления внешних вызовов воспитание патриотизма среди всех граждан занимает заметное положение в ряду правительственных приоритетов. Соответственно, проект программы на 2016-2020 годы предлагает увеличение бюджета более чем на 300% - до 1,9 млрд рублей (см. **График 1**). Главными исполнителями государственной программы являются Министерство обороны, Министерство по

¹ [Дж. Пол Гуд](#) – старший лектор по курсу «Российская политика» в Университете Бата (Соединенное Королевство).

чрезвычайным ситуациям, Министерство культуры, Министерство образования и науки, а также Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям/Роспечать (см. в **таблице 1**).

Проект программы 2016 года понимает патриотизм как набор социальных принципов и практик:

[Патриотизм - это] «базовая направленность социального поведения граждан, выражающая высший смысл жизни и деятельности личности, проявления долга и ответственности перед обществом, формирующая понимание гражданином России приоритета общественных интересов над индивидуальными вплоть до самопожертвования, пренебрежения опасностью для личной жизни и здоровья при защите интересов Отечества».

В отличие от этой трактовки, большинство россиян определяет патриотизм просто как «любовь к родине». Хотя по поводу того, что это означает на практике, имеются серьезные разночтения, в целом патриотизм в глазах большинства видится как нечто аполитическое и очень личное. К примеру, одно из мероприятий, определенно ассоциирующееся с патриотизмом – организовываемые государством празднования Дня Победы 9 мая - имеет особое значение по большей части из-за того, что понесенные Советском Союзом во Второй мировой войне огромные потери коснулись практически каждой семьи. Подчеркивая первостепенность семейных уз, участники интервью и фокус-групп указывали, что акция «Бессмертный полк» на парадах в День победы (в ходе которой участники несут фотографии своих воевавших родственников), оказывает мощное эмоциональное воздействие как на зрителей, так и на самих участников. В то же время, мнения разделились по поводу эксплуатации правительством таких символов войны, как черно-оранжевая георгиевская ленточка, в иных контекстах.

Респонденты определяли патриотизм в основном с точки зрения места и культуры: делать свою работу, заботиться о своих соседях и родных, не уезжать из родного города (или из России), сохранять русский язык и культурные традиции, преподавать и изучать российскую историю. На практике понятия патриотизма и «быть патриотом» различаются: последний концепт имеет политическую коннотацию. Если патриотизм связан с нормативными идеалами или благородными чувствами, то быть патриотом означает преданность и верность. Другими словами, патриотизм – персонален, нормативен и абстрактен, в то время как быть патриотом это уже публичная политика. В самом деле, респонденты заметно смущались и даже волновались, когда их спрашивали, что значит быть патриотом в сегодняшней России. Практически в каждом случае, они уточняли, интересуюсь ли я их личным мнением или тем, как это понимают «все остальные».

Патриотические практики и российская внешняя политика

В ходе данного проекта исследовались те способы, которыми россияне практикуют патриотизм в своей повседневной жизни. В некоторых случаях такие практики включали в себя приемы интерпретации и оценивания. К примеру, при ответе на вопрос о значении патриотизма в сегодняшней России, обычным приемом было сравнение современности с советским периодом, либо сравнение России с Западом. В других случаях, повседневные практики включают такие действия и виды активности, как потребление отечественных товаров.

Среди множества ассоциируемых с патриотизмом практик, выявлены два набора практик, связанных с российской внешней политикой. Первый набор включает оценки респондентами

политики (*сравнение и ностальгию*). Второй набор касается индивидуального действия или субъектности (*противопоставление, защиту и потребление*).

Сравнение

Вне зависимости от политической ориентации респондентов сравнения с Западом служат для демонстрации нормальности России: она совершает те же ошибки в историческом развитии, также ностальгирует по поводу прошлого, стремится к тем же универсальным целям и ценностям. Некоторые респонденты даже выразили озабоченность относительно того, что россияне недостаточно патриотичны по сравнению с американцами или украинцами. Однако во время второй серии интервью респонденты (особенно, пенсионеры и государственные служащие) начали подчеркивать нормальность культурных различий между коллективистской Россией и индивидуалистическим Западом.

Ностальгия

В сегодняшней России ностальгия в первую очередь направлена на позднесоветский период до 1986 года, и, более конкретно, на опыт советской молодежи в отношении стиля, моды или китча. Для обладающих опытом советской жизни представителей старших поколений ностальгия находит свое выражение в воспоминаниях о таких общественных и коллективных делах, как участие в пионерских организациях, производственных бригадах или в московской олимпиаде 1980 года. Респонденты часто выражали мнение, что ностальгия по советскому прошлому не имеет политической составляющей, хотя в фокус-группах она сыграла свою роль в оценках социальной политики государства.

Несколько иную картину дает изучение российской молодежи. Как показали интервью в фокус-группах со студентами российских университетов, ностальгия по советским временам запускает различные нарративы: сквозь розовые очки студенты видят, что у россиян было функционирующее государство, гарантированное трудоустройство, превосходное образование, социальный капитал, безопасность и уважение, высокий жизненный уровень при низких ценах. Для всех поколений ностальгия связана с понятиями нормальности, и на сей раз нормальность определяется через данные нарративы советского прошлого. В отличие от более амбивалентной практики сравнения, ностальгия усиливает представления о России как имеющей свой собственный путь и отдельный от Запада путь.

Противопоставление

Для тех, кто скептически относится к правительству, быть современным патриотом означает рассматривать в качестве врагов США, НАТО и Запад в целом. Как выразился один из респондентов, «общее понимание патриотизма состоит в переходе к мировоззрению, согласно которому мы окружены врагами. Мы могли бы делать что-то хорошее или благородное, но они нам мешают»². Противопоставление необязательно должно принимать форму войны; оно истолковывается скорее как защита, нежели как агрессия. Для большинства противопоставление Западу это достойный ответ на западные санкции (поддержка импортозамещения³) и на вмешательство Запада в дела Украины (помощь беженцам или Донбассу). Противопоставление оправданно из-за неправомерных действий союзников из стран Запада (наиболее недавний пример - Турция), злонамеренным изображением России западной

² Респондент 190459.

³ Почти все респонденты полагали, что эмбарго на европейские сельскохозяйственные продукты являлось частью западных санкций, а не ответом Кремля на них.

пропагандой и в целом – восприятия поведения Запада в истории его взаимоотношений с Россией как высокомерного и эксплуататорского. Далее, респонденты оправдывают противопоставление как патриотическую практику в связи с существенными (и потенциально непримиримыми) культурными различиями между коллективистской Россией и индивидуалистическим Западом.

Стоит отметить, что противопоставление как практика плавно переходит с внешних на внутренних врагов. Некоторые из тех, кто поддерживает режим, изображают оппонентов в качестве «пятой колонны» или «агентов влияния». Вместе с тем, почти все респонденты охарактеризовали участие в политике как противоречащее патриотизму: если патриотизм является индивидуальной и настоящей любовью к родине, то политики пытаются вертеть этой любовью и искажают ее в своих целях. Для многих затягивание поясов в эпоху вызванного санкциями импортозамещения означает, что бюрократы и политики не имеют права ездить за границу или владеть зарубежными активами.

Защита

В качестве патриотической практики защита является расхожей и, в то же время, разнообразной. В интервью защита ассоциируется с рядом объектов – родиной, правительственными интересами, отечественными рынками, экологией, исторической памятью и так далее. В этом смысле защита – скорее абстрактный принцип, который зависит от восприятия угрозы. Конечно, некоторые респонденты полагали, что существует прямая внутренняя угроза, расширяя понятие за счет защиты родины от вражеских агентов. Один респондент отметил: «Я не знаю иностранных агентов, однако, я уверен, что они существуют. Не зря о них говорят [в СМИ]»⁴. Чаще респонденты ассоциировали патриотизм с конституционным долгом защищать страну (можно отметить, это был один из тех редких случаев, когда Конституцию упоминали в разговорах о патриотизме), причем вне зависимости от того, служили ли они в армии.

Потребление

В то время как респонденты практически игнорировали *потребление* в качестве патриотической практики в 2014 году, его стали все чаще упоминать к концу 2015 года. Благодаря этой практике можно представить себе масштабы влияния распространяющегося публичного дискурса касательно санкций, импортозамещения и экономического кризиса. Респонденты говорили о покупке местных и российских продуктов в целом, но многие с трудом могли привести конкретные примеры.

Механизмы патриотического упрощения

Патриотизм – сложное понятие, хотя большинство людей интуитивно ожидают от него простоты. В фокус-группах дискуссии не раз достигали той точки, когда участники отмечали, что понимание патриотизма перегружено и выходит за пределы здравого смысла. В эти моменты они требовали, чтобы их группа была более разборчива в выборе того, что называть патриотичным. Аналогично этому, внешняя политика также сложна и противоречива, но с какого-то момента патриотические граждане вытесняют сложное понимание, задействуя разнообразные когнитивные стратегии.

⁴ Респондент 110523.

Некоторые граждане упрощают внешнюю политику посредством *персонификации*: они описывают таких известных политических деятелей как Владимир Путин, премьер-министр Дмитрий Медведев, министр обороны Сергей Шойгу и министр иностранных дел Сергей Лавров как любящих родину людей и полагают, что их действия сводятся к этой любви. Государственные служащие в наибольшей степени склонны к персонификации; при этом она зачастую выливается в прямое обвинение зарубежных стран (особенно Запада и США). В характерной перепалке один из участников фокус-группы воскликнул: «Большая часть страны поддерживает [Путина]. Когда мы говорим «Крым наш», мы даем Америке то, что она заслуживает... Это вдохновляет». Связь патриотизма с семьей также нашла свое выражение через неприятие гомосексуальности как болезни Запада, угрожающей семейным ценностям в России.

Другие прибегают к упрощениям посредством *назначения виновных*: внешнеполитические проблемы объясняются неудачным следствием близорукости или неправомερных действий других государств. В итоге, Россия ограничена в своих возможностях поступать как следует в международных делах. В групповой дискуссии пенсионеры были в наибольшей степени склонны участвовать в определении виновников, выражая наибольшую озабоченность американской мягкой силой и мнимым намерением Америки разобщить российское общество. Они также выразили негодование убийством российских летчиков Турцией и возмутились ее очевидной для них неспособностью извлекать уроки из истории. В то же время они выразили желание положить конец информационной войне, дойдя в этом стремлении до призыва к закрытию всех политических СМИ.

Упрощение также может осуществляться посредством экстернализации, при которой интуитивное понимание патриотизма и морали связывается с ролью государства в международных отношениях. Чаще всего, это предполагает ностальгию по советскому периоду и сравнения с представлениями о мировой политике времен детства. Как съязвил один из респондентов «как патриот я не знаю гимна России. Но я знаю гимн СССР, который я выучил в школе»⁵. Студенты были склонны к экстернализации, оценивая нынешнее положение дел в соответствии с советскими достижениями во внутренней и внешней политике. Вместе с тем, студенты также были склонны увязывать ностальгию по советскому прошлому с современными формами потребления. В рамках дискуссии в фокус-группе это привело к оживленному спору о российских товарах и продуктах как символах национальной гордости; в результате борщ как украинское блюдо похоже был отвергнут в пользу пельменей. Студенты также выделили гуманитарную помощь (Восточной Украине и другим регионам) в качестве свидетельства восстановления роли России в международных делах до уровня СССР. В то же время они были гораздо лучше осведомлены о конституционной структуре государства и формальных свойствах его институтов, считая, что политически активные граждане полезны России.

Заключение: от патриотических практик к подотчетности политики

Стоит обратить внимание на те разновидности связанных с патриотизмом практик и опорных точек, которые *не были* упомянуты в качестве имеющих отношение к внешней политике. Религия и православие не были отмечены в данном контексте практически ни разу. Несмотря на популяризацию понятия Новороссия на государственном и медийном уровнях, о царском периоде в связи с патриотической практикой упомянули лишь очень немногие респонденты. Также стоит отметить, что этнический национализм, часто фигурировавший в дискуссиях о

⁵ Респондент 164357.

патриотизме, редко присутствовал, однако, в оценках внешней политики или политики Кремля в отношении Украины. Наконец, в контексте внешней политики ни разу не упоминалась коррупция, хотя респонденты с неодобрением воспринимали, по их мнению, имеющее место стремление элиты путешествовать за рубеж и отправлять своих детей жить и учиться за границей. Тот факт, что эти разнообразные практики не упоминались в ходе интервью и фокус-групп, поразительно диссонирует с концептуализациями российской внешней политики западными экспертами и СМИ, зачастую приравнивающими поддержку Путина к более или менее единогласной поддержке политики Кремля и обоснований им своей собственной политики.

В целом, три проанализированных выше механизма патриотического упрощения опираются на оценочные практики *сравнения* и *ностальгии*. Однако они имеют разное влияние на те способы, которыми социальные группы на них реагируют: в среде государственных служащих *защита* легко преобразуется в *персонификацию*, *противопоставление* в *назначение виновных* среди пенсионеров, и *потребление* переходит в *экстернализацию* среди студентов (см. в **таблице 2**).

Каждый механизм при этом варьируется сквозь призму проблемы подотчетности внешней политики. Сочетание *защиты* и *персонификации*, по сути, дает российскому руководству карт-бланш; возможно, неудивительно что эти практики наиболее характерны для государственных служащих. Комбинация *противопоставления* и *назначения виновных* трансформируется в поддержку внешней политики пенсионерами, однако с большей степенью скепсиса и недоверия к СМИ. Наконец, *потребление* и *экстернализация* влекут за собой применение высоких нормативных стандартов поведения в международных делах и их увязывание с внутренним потреблением. Тот факт, что последняя комбинация наиболее характерна для современных студентов, означает, что за российской внешней политикой возможно в наибольшей степени следит молодое поколение. Неудивительно, что это поколение, являющееся целевой аудиторией Государственной программы патриотического воспитания, также в наибольшей степени знакомо с формальной структурой и деятельностью государственных институтов. При этом данное поколение также чаще всего выражает свой патриотизм посредством потребления, и можно ожидать, что оно вероятно будет чувствительным к последствиям длительного экономического спада потребления в стране. Следовательно, судьба сегодняшних студентов после окончания университетов, должно быть, чрезвычайно интересна Кремлю.

Таблица 1. Затраты на Государственную программу патриотического воспитания в 2001-2020 гг. (миллионы рублей)

Получатели	2001-2005	2006-2010	2011-2015	2016-2020
Министерство обороны	9.73	27.55	43.3	204.6
Министерство по чрезвычайным ситуациям	0.6	35.5	27.7	200
Министерство культуры / Роскультура и Росархив	32.45	82.2	140.35	519.1
Министерство образования и науки и Росмолодежь	46.11	129.25	140.1	699.1
Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям/Роспечать	23.5	17.5	138.5	123.4

Таблица 2. Динамика патриотического упрощения

Патриотические практики	Патриотическое упрощение	Категория	Подотчетность в политике
Защита	Персонификация	Государственные служащие	Наименьшая
Противопоставление	Назначение виновных	Пенсионеры	Неустойчивая
Потребление	Экстернационализация	Студенты	Наибольшая

График 1. Бюджет Государственной программы патриотического воспитания в 2001-2020 гг. (миллионов рублей)

